
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVI

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 180-летию исследователя Центральной Азии,
этнографа, публициста, монголоведа-фольклориста
Григория Николаевича Потанина

Е. В. Бойкова

Российская военная разведка в Монголии в начале XX в.

Статья посвящена деятельности российских военных исследователей Монголии в начале XX в. После поражения в Русско-японской войне (1904—1905) российские правящие круги были вынуждены серьезно задуматься об укреплении позиций нашей страны на Дальнем Востоке и, в частности, в Монголии. Россия направила в Монголию несколько разведывательных отрядов, целью которых было изучение внутривнутриполитической ситуации в стране, отношения монголов к русским, а также деятельности там китайцев и японцев. В начале XX в. была открыта новая страница в изучении Монголии военными исследователями.

Ключевые слова: Россия на Дальнем Востоке в начале XX в., российские военные экспедиции в Монголии, отношение монголов к России, Китаю и Японии, А. М. Баранов, Ю. Кушелев, А. Д. Хитрово.

Обстановка на Дальнем Востоке в начале XX в. повлекла за собой изменение целей и задач российской военной разведки в Монголии. Россия должна была собирать уже не только и не столько сведения географического характера, сколько информацию о своих соперниках и возможных врагах в этом регионе. Необходимо было также выяснить вопросы, касавшиеся внутренней и внешней политики Монголии того времени, системы государственного устройства страны. Обострение ситуации на Дальнем Востоке, особенно после Русско-японской войны, потребовало от России особого внимания к районам, граничившим с Монголией. Среди них одним из наиболее опасных в военном отношении была Маньчжурия. Изменение соотношения сил в регионе повлияло на характер военных экспедиций. Помимо рекогносцировочных задач, перед военными исследователями ставилась еще одна задача — сбор исторических, демографических и этнографических сведений о Монголии, информации о внутривнутриполитическом положении в том или ином районе Монголии и на прилегающих к ней территориях. Кроме этих вопросов на первый план, по сравнению с периодом изучения Монголии российскими военными исследователями, приходившимся на вторую половину XIX в., вышло изучение взаимоотношений монголов с русскими, китайцами и японцами, а также перспектив двусторонних отношений Монголии с Россией, Китаем и Японией. В начале XX в. вопрос о том, с кем будет Монголия, стал более чем актуальным для России. Важно было выяснить, как относятся в Монголии к возможному присутствию здесь российской армии. Поражение в войне с Японией, Китай, наращивавший свои вооруженные силы, — эти факторы серьезно беспокоили Россию, заставляли ее серьезно задуматься об укреплении своих позиций в регионе.

Заметим, что при этом вопросы, касавшиеся российско-монгольских и монголо-китайских отношений, теснейшим образом переплетались.

В предлагаемой вниманию читателей статье нам хотелось бы рассказать о нескольких российских военно-исследовательских экспедициях в Монголию, которые оставили заметный след в отечественном монголоведении.

Особая роль в изучении Монголии в начале XX в. принадлежала офицерам Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), созданного в 1901 г. Штаб округа составил «Инструкцию для производства разведок и сбора статистических сведений о Маньчжурии», на основании которой в течение нескольких лет производилась разведка и сбор данных на территориях трех застенных провинций Китая, а также сопредельных с ними Монголии и Кореи. В случае проведения с территории Маньчжурии военных операций против Японии или Китая прилегающая Монголия могла стать «участницей в театре войны, откуда возможно угрожать главной базе нашего сообщения и связи с отечественной сибирской границей» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 5].

Одним из ведущих специалистов по Монголии в русской армии считался ротмистр Заамурского округа ОКПС Баранов¹, свободно владевший монгольским языком. Служа в Монголии и имея возможность путешествовать по стране и собирать опрос-

---

¹ А. М. Баранов долгое время проживал на западной ветке КВЖД, сумел завязать хорошие отношения с монгольскими властями и заслужил их доверие. Совершил несколько военно-географических экспедиций в Монголию. С 1906 г. служил в органах разведки Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи.

ные данные, он написал о ней несколько работ. В связи с тем, что ситуация на Дальнем Востоке в предвидении войны с Японией и возможного содействия ей со стороны Китая требовала от России более внимательного и серьезного изучения Монголии, с 25 декабря 1903 г. по 1 октября 1906 г. Заамурский военный округ направил в Монголию семь экспедиций; четырьмя из них руководил А. М. Баранов.

В 1905 г. А. М. Баранов опубликовал книгу «Барга и Халха», в которой подробно описал историю Халхи, ее административное устройство и местное управление, сословные отношения, деление тайджи (дворян) на классы, организацию придворной службы, религию монголов, расположение монастырей в Халхе и Барге и пр. Даже если какая-то информация и была известна до Баранова, он многое уточнял, хотя большая часть сведений, добытых им во время поездок по Монголии, была получена впервые. Он сделал ряд уточнений топографического характера, например, отметил, что «обозначенное на 40-верстной карте (изд. Гл. штаба) название... местечка Кырылун монголами не употребляется и встречается только в переписках, возникающих между русскими и монгольскими властями» [Баранов, 1905. С. 26]. В этом местечке, на левом берегу реки, находился довольно большой монастырь. В полутора верстах располагался дворец князя, ямынь²; на правом берегу находились фанзы китайских купцов. Торговля велась пекинскими и долоннорскими купцами. Китайцы чувствовали себя в этой местности, по словам Баранова, полноправными хозяевами, в частности, искусственно завышали цены на товары.

В своих работах А. М. Баранов не мог не касаться вопроса об отношении монголов к русским, китайцам и японцам. Настороженное отношение к русским, отмечал он, было характерно главным образом для юго-востока и востока Монголии. В других районах, особенно на севере страны, оно было очень доброжелательным. Здесь упомянем капитана Попова, побывавшего в Монголии в 1903 г. Он писал, что сопровождавшие экспедицию монголы постоянно расспрашивали путешественников о России и русских. Во всех кочевьях, встречавшихся на пути следования экспедиции, путешественников встречали радушно, окружали особым вниманием и почтением. «Можно допустить, что русское имя в этой части Монголии пользуется хорошей репутацией», — считал В. Л. Попов [Попов, 1905. С. 78].

Еще одна экспедиция в Монголию под командованием А. М. Баранова состоялась с 28 сентября по 20 декабря 1905 г. В состав экспедиции входило 30 человек нижних чинов. А. Баранов писал, что условия, при которых пришлось работать, были особенно тяжелы. Маршрут пролегал «по преимуществу по

местности еще совершенно не обследованной, которая на имевшейся в моем распоряжении 40-верстной карте представляла чистое белое пятно без намека на дорогу». Китайское правительство, обеспокоенное движением русских разъездов по Монголии и подталкиваемое японцами, крайне отрицательно относилось к самому факту пребывания экспедиции в Монголии, и зачастую потому местные власти не хотели оказывать ей официальное содействие; это выражалось в крайне неохотном назначении проводников для экспедиции. «В большинстве приходилось двигаться к намеченному ночлегу без проводников и через то несколько раз пришлось ночевать на 20-градусном морозе прямо на открытой степи, на мерзлой земле» [Баранов, 1907а. С. II—III].

Выступив со станции Маньчжурия, экспедиция почти весь свой путь находилась в неведении, заключен ли мир или военные действия между Россией и Японией возобновились. Находясь фактически в тылу японцев, члены экспедиции должны были следовать с соблюдением всех мер военной предосторожности. Опасность была связана и с тем, что в районе промышляли шайки хунхузов. Первые точные сведения о мире экспедиция получила на обратном пути, придя в ставку Чжасакту-вана. «Экспедиция следовала по хошунам, — писал Баранов, — где русских еще не видывали, где нога европейца еще не ступала, и нужно было так повести разговоры, поставить себя в такое положение к монголам, чтобы заслужить их доверие и вызвать на откровенность, подчас весьма щекотливую по политическим соображениям» [Баранов, 1907а. С. IV].

В 1911 г. (напомним, что в это время в Китае происходила Синьхайская революция) в Монголию была направлена «с военно-научной целью» экспедиция, пробывшая в стране пять месяцев. Возглавлял экспедицию поручик Кушелев. Его задача заключалась в сборе сведений военно-стратегического характера. По заданию Генерального штаба Кушелев должен был выяснить следующее: возможно ли в Монголии ведение военных действий; как монголы относятся к Китаю и китайцам, т. е. способны ли монголы оказать сопротивление Китаю, или же они нуждаются в поддержке России; как монголы относятся к русским. Разведывательные цели экспедиции были связаны с тем, что в начале XX в. заметно активизировалось национальное, а в особенности военное возрождение Китая, с чем, по мнению Ю. Кушелева, «России скоро придется считаться» [Кушелев, 1913. С. 284]. Серьезные опасения России вызывала усиливавшаяся колонизация Монголии Китаем. По мнению Ю. Кушелева, «одержанные японцами над нами (Россией. — Е. Б.) успехи зародили некоторую надежду среди китайцев пойти по стопам народа из страны Восходящего Солнца. Во всяком случае, престиж России значительно упал, и Китай осмелился вступить с нами в политическую борьбу тотчас же, как был заключен Портсмутский мир... Кому теперь не ясно, что в последнее время

² Ямынь (*кит.*; казенное учреждение) — различные государственные учреждения в Китае и Монголии. Также — чиновник, ведавший отношениями между китайцами и монголами.

Китай сознательно и энергично готовился к борьбе с Россией и притом не только в Маньчжурии, но и в Монголии» [Кушелев, 1913. С. 53].

Кушелев считал, что «Монголия, как по своим географическим, топографическим и климатическим свойствам, так и по своей величине и по природе своего населения могла и может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая, и будет и должна обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося. ... Искони веков Монголия являлась первым препятствием для направления Китаем своей энергии и своей предприимчивости к нашим пределам, как страна, заселенная народом, враждебным китайскому» [Кушелев, 1912. С. 3, 4].

Возраставший интерес России к Монголии объяснялся тем, что она, по мнению российских военных, озвученному Ю. Кушелевым, рассматривалась как возможный буфер, который мог бы оградить Россию «от спавшего столько столетий Китая и... от Китая, проснувшегося и вооружающегося» [Кушелев, 1913. С. 286]. Самое сильное впечатление, оставшееся у Кушелева от поездки, состояло в том, что «вся Монголия, по крайней мере, в лице настоящих коренных монголов, глубоко сознает свою беспомощность в смысле сопротивления китайскому игу и видит единственное для себя спасение в покровительстве и защите со стороны России» [Кушелев, 1912. С. 83].

В 1911 г. в Монголии находился есаул Дорофеев. Он писал, что «в Кобдоском округе русское имя среди кочевников стояло очень высоко. Наши торговцы пользуются у них большим влиянием и уважением». В Улясутайском округе кочевники относились к русским с нескрываемой симпатией и всеми способами старались выразить ее. «Кабальная зависимость от китайцев волновала их; по всей линии шла тайная работа к выступлению против китайцев» [Дорофеев, 1912. С. 101]. По словам И. В. Дорофеева, отношение китайцев к русским было нормальным. И в то же время «... везде, где сталкиваются интересы китайцев и русских, главными виновниками недоразумений являются прежде всего местные китайские чиновники, придирающиеся по всякому поводу, чтобы теснить русских» [Дорофеев, 1912. С. 101]. По его мнению, это происходило под влиянием китайских купцов, считавших русских купцов своими конкурентами.

Касаясь вопроса об отношении монголов к русским, побывавший в Монголии в 1914 г. капитан Харламов писал: «Не видя ничего хорошего со стороны своих правителей-китайцев, монголы, естественно, ищут спасения от них, и все взоры их обращаются в сторону России. ... Все симпатии населения на нашей стороне, и престиж наш в стране велик» [Харламов, 1914. С. 246].

Однако было бы неверно считать, что отношение монголов к русским основывалось только на неприязни к китайцам, т. е. сводить все к тому, что монголы относились к русским с симпатией, потому что к

китайцам они относились с неприязнью. Причина была не только в беспомощности монголов перед китайцами. Монголы действительно хотели опереться на Россию, о чем свидетельствует дипломатическая история российско-монгольских отношений периода монгольской автономии. Но свои надежды они возлагали на Россию не только потому, что та могла поддержать их своими вооруженными силами или финансами, но и потому, что вся история российско-монгольских отношений доказывала, что Россия, не имея никаких территориальных притязаний к Монголии, может стать для нее действительно надежной опорой. Ю. Кушелев называл четыре причины, по которым монгольский народ «вполне сознательно, доверчиво и открыто стремится броситься в объятия России»: вековые добрососедские отношения, вековое общение на громадном протяжении границы, полное бескорыстие России, особенно по сравнению с китайцами, благоденствие в русском подданстве единовременных и родственных монголам племен в составе России [Кушелев, 1912. С. 120].

Как видим, у российских путешественников, побывавших в Монголии в начале XX в., сложилось устойчивое мнение, что монголы относятся к русским с симпатией и уважением, хотя бывали и исключения.

В начале XX в. политика Китая в Монголии обозначилась достаточно четко: ей была уготована участь быть китайской провинцией. Одновременно Китай стремился к тому, чтобы лишить Россию того положения, которое она имела в Монголии согласно международным договорам, а также в силу ряда объективных причин, прежде всего географической близости и исторически сложившихся дружественных отношений между русскими и монголами³. Тогда же заметно усилила свое влияние в Монголии Япония, что становилось все более опасным для России.

В 1904 г. главнокомандующий Заамурским округом ОКПС направил экспедицию для военной разведки в приграничных к театру военных действий районах Восточной Монголии. По результатам этой экспедиции был подготовлен секретный отчет, руководителя агентуры⁴ в Монголии полковника Хитро-

³ В 1911 г. китайское правительство предприняло ряд мер, направленных на то, чтобы осложнить российско-монгольские отношения: монголов, поддерживавших дружеские отношения с российскими бурятами и казаками, было решено переселить из приграничной полосы и заменить их китайцами — колонистами из Внутреннего Китая. Кроме того, войска из внутренних районов Китая были переведены в Северную Монголию на новое место дислокации.

⁴ Деятельностью агентуры в Монголии руководил Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Обязанности агентуры сводились к изучению политической ситуации в стране, а также монгольского рынка с точки зрения перспектив здесь российской торговли. Изучались пути передвижения, качество дорог, средства передвижения, стоимость перевозки грузов, численность населения как возможного потребителя россий-

во⁵. Непосредственным районом пребывания экспедиции были хошуны Чжэримского сейма, разведка велась на юг до Великой Китайской стены и Пекина и на запад до Урги. Экспедиция преследовала «исключительно цели широкой военной разведки» и представляла собой вооруженный отряд в составе 20 человек [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 23 об.]⁶. Экспедиция должна была выяснить следующее: «современное состояние Монголии как военной силы», а также настроения монголов в связи с текущими политическими событиями (война с Японией и английская экспедиция в Тибет); отношение монголов к русским, японцам, китайцам, англичанам и другим народам; деятельность японцев в Монголии; деятельность китайцев в этой стране, местоположение там китайских властей; мероприятия китайцев по заселению Монголии; выяснить, какие районы уже заселены ими; численность их, род занятий; меры, принимаемые китайцами для административного подчинения монголов; отношение народа к китайской и монгольской администрации [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 5—5 об.].

Для того чтобы выяснить возможность ведения в Монголии военных операций в самое неблагоприятное время года, экспедиция отправилась в Монголию зимой [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 5 об.]. Все офицерские чины периодически собирались вместе в штабе ставки, однако в основном все время находились в разъездах и командировках на дальние расстояния. К экспедиции были прикомандированы коллежский регистратор Кострицкий (фотограф, медик, съемщик маршрутов и переводчик китайского языка), переводчик китайского языка Цыдыпов (для заведования нанятыми монголами-разведчиками); переводчик-китаец, четыре казака — буряты 2-го Верхнеудинского полка и два монгола, выделенные в распоряжение А. Д. Хитрово по личному знакомству из княжества Северного Горлоса [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 6].

Экспедиция была обозначена как «коммерческо-географическая экспедиция в Восточную Монголию» и потому имела право официально находиться в стране; для узаконения этого статуса через русского дипломатического чиновника в Цицикаре Н. М. Поппе были получены китайские пограничные паспорта. Все члены экспедиции были одеты в штатскую зимнюю одежду.

ских товаров, количество скота, шерсти, торговые центры, присутствие торговцев-иностранцев и проч.

⁵ Хитрово Александр Дмитриевич (1860—1921) — подполковник Генерального штаба, организатор царской разведки в Монголии («монгольской агентуры»). До 1906 г. служил в разведотделе Штаба Заамурского военного округа (Харбин). С 1906 г. — кяхтинский пограничный комиссар. Много сделал для усиления русского влияния в Монголии. В 1921 г. был расстрелян в Урге по приказу барона Унгерна.

⁶ Иногда численность отряда доходила до 40—50 человек.

Поставленные задачи экспедиция выполнила, о чем А. Д. Хитрово подробно доложил в отчете. По его словам, «за время истекшей войны общее настроение в Монголии складывалось в пользу русских, так как монголы слепо были убеждены, что китайцы на стороне японцев, а этого было вполне достаточно для их искренних пожеланий успеха русским. «С достаточной вероятностью можно заключить, что японцы не сумели привлечь к себе монголов, хотя попытки к тому были еще до войны» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 8]. Монголы глубоко верили, что полная победа останется за русскими» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 7 об.], и считали, что «Россия неиссякаема ни денежными средствами, ни солдатами... [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 8]. Такое настроение было особенно заметно в Чжэримском, Дзасактуском и Джоудаском сеймах. Более того, А. Д. Хитрово заключил, что Чжэримский сейм — сфера влияния русских. Кроме того, Хитрово считал, что этот сейм и прилегающая к нему часть Внутренней Монголии, при владении русскими КВЖД, имеет для России огромное, решающее значение, «как военно-стратегическое, так политическое и коммерческо-экономическое» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 32 об.]. И в то же время он сделал очень важный вывод: «Подтверждая симпатии и тяготение монголов к русским, будет большим оптимизмом и ошибкой заключить, что прибыв в их страну, русские всегда найдут там радушный прием, внимательность, услужливость и прочее, что... реально может свидетельствовать о их расположении к русским. Наоборот, повсюду, особенно где русских видят впервые, монголы стараются выпроводить непрошенных гостей поскорее... Объясняется это тем, что монголы вообще издревле привыкли жить изолированно не только от китайцев, но и от монголов соседних хошунов» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 9]. В то же время при экспедиции постоянно служило 50—70 монголов; часть из них обслуживала летучую почту; часть — охранительные заставы по Шара-Мурэну. На основе собственных наблюдений и общения с местным населением Хитрово делает вывод: общее настроение монголов в хошунах, прилегающих к Маньчжурии, было на стороне русских; к английскому вмешательству в тибетские дела монголы относились довольно равнодушно, так как не знали подробно ни обстоятельств, ни обстановки, ни самих англичан; к китайцам, как всегда, относились очень недоброжелательно.

Экспедиция несколько раз попадала в довольно сложные ситуации, сталкиваясь с хунхузами. Ее участники специально распускали среди местных жителей слухи о том, что они посещают страну в мирных целях, зная, что эти слухи наверняка дойдут и до хунхузов. При этом члены экспедиции давали понять, что всякое поползновение в отношении российских подданных повлечет за собою прибытие «значительной силы военных отрядов». На пути следования экспедиции несколько раз возникала опасность нападения на нее китайских шаек. «Монголы-

хунхузы, — писал А. Д. Хитрово, — ...тяготились своей службою японцам и не раз входили в сношения с экспедицией о принятии их на русскую службу...» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 11 об.]. Во время отклонения в сторону от основного маршрута члены экспедиции нередко встречали японцев-разведчиков. Случалось, что японцы закупали у монголов скот, выдавая себя за русских бурят.

По словам Хитрово, «вся деятельность китайцев в Монголии сводится к ее колонизации с учреждением на месте китайской администрации и, следовательно, изъятием заселенных таким путем мест из управления монголов» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 13]. Маньчжуры не разрешали самовольного заселения Восточной Монголии китайцами; маньчжурский дом разрешил смешанные браки только между маньчжурами и монголами, запретив таковые с китайцами.

Особое внимание А. Д. Хитрово уделил возможности проведения российской армией военных операций в Монголии. Районы, заселенные китайскими колонистами, где еще не была введена китайская администрация, представляли бы в этом случае немалые трудности для передвижений войсковых частей численностью более трех сотен. В районах же неколонизованных, особенно в степной Монголии, отряду численностью более 20—30 человек найти населенный пункт для более или менее продолжительного расквартирования было бы затруднительно (в основном трудности возникали при добычании фуража и топлива) [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 21].

По результатам экспедиции А. Д. Хитрово были сделаны следующие выводы: политическое настроение монголов всегда может быть в пользу русских; к китайцам монголы испытывают ненависть; монголы в массе богаты и могут представить выгодный для русских потребительский рынок [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 34 об.].

В 1905 г. три поездки в Монголию совершил полковник Генерального штаба Новицкий. Все они носили военно-рекогносцировочный характер; работы проводились в Восточной Монголии, маршрут проходил по пограничной с Маньчжурией полосе. Поездки заняли в общей сложности 11 недель; участники экспедиций посетили земли четырех хошунов Восточной Монголии. Описывая свое пребывание в районах, граничивших с Китаем, В. Ф. Новицкий отмечал то влияние, которое оказывали на монголов китайцы. Оно проявлялось в различных областях жизни монголов и в первую очередь в материальной культуре. В местностях, которые он посетил, монголы жили в китайских фанзах.

После поражения в Русско-японской войне российские власти стали особенно чутко реагировать на пребывание и деятельность японцев в Монголии, на их контакты с местными жителями. Еще до войны 1904—1905 гг. японцы нередко направляли корреспондентов различных печатных изданий в Монголию для изучения страны. В 1902 г. японцы провели

разведку под видом научной экспедиции по маршруту от Пекина до Хайлара. Японцы нередко привлекали к себе на службу шайки хунхузов, которые часто использовались как прикрытие от русских разведок. Япония начала активно проникать в Монголию после 1905 г., чему способствовала политика китайских властей, фактически одобрявших действия там японского правительства. Поскольку Китай не мог только собственными силами подавить в монголах стремление к независимости, японцы предложили Пекину свое содействие в этом вопросе, так как считали, что у монголов растет тяготение к России, и этому надо противодействовать [Бойкова, 2005. С. 36]. Опасность для России представлял не только курс Японии на завоевание монгольского рынка, но и планы по ослаблению политических позиций и ограничению российского влияния в Монголии [Nanganoa, 2004. P. 62—63]. По сообщениям российских дипломатов, деятельность японцев в Монголии начинала терять «случайный характер, вызываемый потребностями боевой обстановки и нуждами японских армий, переходя к правильной организации необходимых мер для приобретения политического и экономического господства в стране» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 596. Л. 7—7 об.].

Во время Русско-японской войны и особенно после ее окончания рекогносцировки российских военных исследователей в Монголии стали более частыми. Заамурский округ ОКПС одобрил идею ротмистра Баранова об отправке в Монголию не обычных разведов, а экспедиций, в задачу которых входило детальное обследование этой страны. Такие экспедиции приобрели систематический характер. «Система экспедиций, — писал А. М. Баранов, — оказалась очень удачной, так как дала возможность стать лицом к лицу с местной монгольской жизнью, ознакомилась и с их бытом, и с вопросами их политической жизни, в том виде, как она развивается на самом деле, а не в дипломатической окраске китайских и наших чиновников» [Баранов, 1907а. С. 4—5]. Особое внимание ротмистр Баранов уделял деятельности японцев в Халхе. Он отмечал, что японцы выбирали различные формы проникновения в Монголию. Периодически они появлялись в Халхе под видом нищих и лам, закупщиков скота, торговцев и пр. Иногда переодетые японцы попадали в Баргу под видом китайских рабочих, а оттуда пробирались в Халху. В донесении российскому посланнику в Пекине Д. Д. Покотилу от 7 августа 1907 г. военный агент в Монголии А. Д. Хитрово писал: «Японцы под видом продавцов медикаментов продолжают одиночками посещать хошуны. Маленькие партии бродят и в хошунах по западным склонам Хингана, собирая сведения о численности населения, скота, промыслах и проч.» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Л. 290]. В донесении от 16 ноября 1907 г. А. Д. Хитрово сообщает, что «в Ургу прибыли чиновники-японцы, которые жили в монастыре, перезнакомились с советниками Богдо-Гегена, многих склонили к тесной дружбе и искали через них тесного сближе-

ния с князьями Халхи...» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Л. 406, 407]. 4 декабря 1907 г. Хитрово сообщает Покотилу, что в хошуне Харцин-вана находятся два японца для изучения монгольского языка [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Л. 451].

Как правило, японцы вели съемку территорий, собирали данные о местных жителях; некоторые разведчики портили железнодорожные пути. Нередко монголы задерживали таких японцев и отправляли их в Ургу для разбирательства. «Мною сообщено было князьям распоряжение о выдаче денежной награды за поимку японцев, и на просьбу мною направлять задержанных японцев в распоряжение чинов Пограничной Стражи они отвечали согласием и обещали оповестить о том своих подданных» [Баранов, 1905. С. 55]. Японцам довольно легко было собирать разведанные в Монголии и оставаться неузнанными (особенно если они могли говорить по-монгольски), о чем свидетельствует следующее замечание Баранова: «Дай-чин-гун и многие советники князей японцев никогда не видели и спрашивали, не имеется ли у меня фотографических карточек с изображением японцев, чтобы они могли судить по ним о их внешнем виде» [Баранов, 1905. С. 55].

В Халхе японцы старались привлечь на свою сторону цзянь-цзюня Цэцэнхановского аймака, с которым у них сложились достаточно дружеские отношения и в ставке которого, по данным А. Баранова, «находили себе приют японские шпионы во время войны» [Баранов, 1907б. С. 13]. Влияние Японии в Восточной Монголии, особенно в хошуне Харачин-вана, который Баранов назвал главным центром японского влияния, усиливалось. Хошун этот был расположен довольно далеко от Халхи, на востоке Восточной Монголии, но никто не сомневался, что японцы не остановятся и будут распространять свое влияние дальше, в Халхе. «Сила влияния японцев объясняется их помощью князю и советами в деле предпринятых Харачин-ваном реформ... по обучению войск и по устройству школ» [Баранов, 1907б. С. 13]. В хошуне была открыта японская школа. Кроме того, князь отправил в Японию несколько мальчиков, ранее изучавших японский язык, для продолжения образования.

В 1906 г. проникновение японцев в Монголию стало еще активнее, что вызывало большие опасения

со стороны России. «Опасения эти были не без оснований: при самом же начале истекшей войны, в районе Фуляэрдди была обнаружена партия японцев, проникшая... с явным намерением разрушения железной дороги в самом чувствительном ее месте — мост на р. Нонни, а может быть и туннель». Покушение было предотвращено, японцы схвачены [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 367. Л. 5].

Основные результаты исследований военных экспедиций начала XX в., изучавших положение Монголии, отношение монголов к русским, китайцам, деятельность японцев в стране и другие вопросы можно обобщить следующим образом:

1. Расположение монголов к русским на протяжении нескольких последних десятилетий оставалось величиной постоянной. Монголы, особенно халхасцы, будут на стороне России в случае военных действий на монгольской территории. Представители даже тех народностей, которые были не очень дружелюбно настроены по отношению к русским (в основном это относилось к народностям, населявшим восточные и юго-восточные районы страны), не испытывали к ним враждебных чувств.

2. России следует постоянно работать над дальнейшим развитием российско-монгольских отношений, повышением их уровня.

3. После принятия колонизационного проекта в Китае в 1912 г. китайцы продвигались все дальше вглубь Монголии, и это обстоятельство могло самым пагубным образом сказаться на интересах России в этой стране.

4. России следует принять серьезные меры, чтобы уменьшить влияние Японии в Монголии.

Деятельность российских военных экспедиций в Монголии в начале XX в. носила разведывательный характер; участники их были высокопрофессиональными специалистами-исследователями — географами, топографами, естествоиспытателями. Они подходили к изучению страны комплексно, дополняя уже имевшиеся знания о Монголии новыми материалами, и тем самым вносили свой вклад в расширение и углубление знаний о Монголии, в развитие российского монголоведения. Российское военное монголоведение в начале XX в. открыло новую страницу в изучении истории и внешних связей этой страны.

Использованная литература

Баранов, 1905: *Баранов А. М.* Монголия. Барга и Халха. Харбин, 1905 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 2) (*Baranov A. M. Mongolia. Barga i Khalkha*. Harbin, 1905 (*Materialy po Man'chzhurii i Mongolii*. Vyp. 2)).

Баранов, 1907а: *Баранов А. М.* Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 16) (*Baranov A. M. Severo-Vostochnye seimy Mongolii*. Harbin, 1907 (*Materialy po Man'chzhurii i Mongolii*. Vyp. 16)).

Баранов, 1907б: *Баранов А. М.* Харачины в хошуне Чжасакту-вана. Харбин, 1907 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 10) (*Baranov A. M. Kharachiny v kho-shune Chzasaktu-vana*. Harbin, 1907 (*Materialy po Man'chzhurii i Mongolii*. Vyp. 10)).

Бойкова, 2005: *Бойкова Е. В.* Соперничество России, Японии и Китая в Монголии в сфере образования (начало XX в.) // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб., 2005. С. 36—44 (*Boykova E. V. Sopernichestvo Rossii, Yaponii i Kitaya v*

- Mongolii v sfere obrazovaniya (nachalo XX veka) // Rossiisko-kitaiskiye nauchnye svyazi: problemy stanovleniya i razvitiya. SPb., 2005. S. 36—44).
- Дорофеев, 1912: *Дорофеев И. В.* Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию Прикомандированного к Штабу Омского Военного округа Подъесаула 1-го Сибирского Казачьего Ермака Тимофеевича полка Дорофеева. Омск, 1912 (*Dorofeev I. V.* Otchet o poezdke v Severo-Zapadnyu Mongoliyu Prikomandirovannogo k Shtabu Omskogo Voennogo okruga Pod'esaula 1-go Sibirskogo Kazach'ego Ermaka Timofeevicha polka Dorofeeva. Omsk, 1912).
- Кушелев, 1912: *Кушелев Ю.* Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912 (*Kushelev Yu.* Mongolia i mongol'skii vopros. SPb., 1912).
- Кушелев, 1913: *Кушелев Ю.* Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию Л.-Гв. Гусарского полка поручика Кушелева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 86. С. 284—374 (*Kushelev Yu.* Otchet o poezdke s voenno-nauchnoi tsel'u v Mongoliyu L.-Gv. Gusarskogo polka poruchika Kusheleva // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyr. 86. S. 284—374).
- Попов, 1905: *Попов В. Л.* Через Саяны и Монголию. Ч. 1. Очерк путешествия (Отчет начальника Монгольской экспедиции, Генерального штаба капитана Попова). Омск, 1905 (*Popov V. L.* Cherez Sayany i Mongoliyu. Ch. 1. Ocherk puteshestviya. (Otchet nachal'nika Mongol'skoi ekspeditsii, General'nogo shtaba kapitana Popova). Omsk, 1905).
- Харламов, 1914: *Харламов С. Д.* Монголия / Составил Генерального Штаба капитан Харламов; Под редакцией Окружного Генерал-Квартирмейстера Генерал-Майора Сухомлина. Иркутск, 1914 (*Kharlamov S. D.* Mongoliya / Sostavil General'nogo Shtaba kapitan Kharlamov; Pod redaktsiei Okruzhnogo General-Kvartirmeistera General-Maiora Sukhomlina. Irkutsk, 1914).
- Narangoa, 2004: *Narangoa Li.* Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915—1945 // European Journal of East Asia Studies. 2004. Vol. 3, no. 1. P. 45—67.

Архивные материалы

- Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 596; Ф. 188 «Миссия в Пекине». Оп. 761 (1906—1907). Д. 367 (Архив внешней политики Rossiiskoy Imperii. Fond 143. Opis' 491. Delo 596; Fond 188 «Missiya v Pekine». Opis' 761 (1906—1907). Delo 367).

Е. Boykova

Russian defense intelligence in Mongolia in the beginning of the 20th century

The article deals with the activity of the Russian military researchers of Mongolia in the early 20th century. After the defeat in the Russian-Japanese War (1904—1905) Russia's ruling circles were forced to think seriously about strengthening the position of our country in the Far East and, in particular, in Mongolia. Russia sent several intelligence expeditions to Mongolia, the purpose of which was to study the political situation in the country, as well as the activity of Chinese and Japanese there. Those expeditions opened a new page in the study of Mongolia by military investigators.

Key words: Russia in the Far East in the beginning of the 20th cent., Russian military expeditions in Mongolia, Mongols' attitude to Russia, China and Japan, A. M. Baranov, Yu. Kushelev, A. D. Khitrovo.